

ПОД ЗНАКОМ МАТЕРИНСКОЙ ДЕПРЕССИИ: ОБРАЗЫ ОТНОШЕНИЙ С МАТЕРЬЮ В ТЕРАПИИ РЕБЕНКА МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Н.Ю. ФЕДУНИНА*,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
natalia_fedunina@mail.ru

Обсуждается тема влияния длительной материнской депрессии на психологическое функционирование ребенка младшего школьного возраста. Несмотря на то, что депрессия родителей, особенно матери, считается важным фактором риска социально-психологических нарушений у детей, основной массив научной литературы посвящен послеродовой депрессии. Представлена проблема снижения социальной вовлеченности ребенка и отвержения со стороны сверстников на материале случая аналитической терапии мальчика 9 лет. Описываются возникающие в ходе песочной терапии образы отношений с матерью и характерные проявления отстранения от социального мира, представляющегося непредсказуемым, опасным, смертоносным. Динамика песочных картин показывает значимость «мертвого» материнского объекта и его преобладание во внутреннем мире в сравнении с другими социальными объектами, а также постепенный переход к возможности символического контейнирования опыта, формирования более предсказуемого и менее опасного мира, диверсификации типа отношений со значимыми другими.

Для цитаты:

Федунина Н.Ю. Под знаком материнской депрессии: образы отношений с матерью в терапии ребенка младшего школьного возраста // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 3. С. 98—108. doi: 10.17759/cpp.2017250306

* Федунина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр экстренной психологической помощи, Московский городской психолого-педагогический университет, Москва, Россия, e-mail: natalia_fedunina@mail.ru

Ключевые слова: материнская депрессия, младший школьный возраст, социальное отстранение.

Материнская депрессия традиционно рассматривается как один из наиболее значимых факторов риска развития психопатологии у ребенка, нарушений эмоциональной регуляции, низкой социальной компетентностью, избегающего стиля совладания [11]. Отношения депрессивной матери с ребенком характеризуются снижением эмоциональной вовлеченности, нарушенными коммуникациями, ростом различных проявлений агрессии (в частности, враждебности и гнева) [20].

Наиболее разработанной является тема послеродовой депрессии у матери и ее влияния на развитие ребенка [6; 7; 8; 9; 10; 19]. Однако целый ряд работ посвящен и другим аспектам этого явления: этиологии депрессии, роли позиции и психического статуса отца, зависимости развития ребенка от временных и клинических характеристик депрессии матери (длительности, времени появления, степени тяжести и др.), гендерным особенностям переживания материнской депрессии, влиянию семейной структуры [11; 12; 13; 14; 15; 18]. Показано, что депрессивные мамы детей школьного возраста более раздражительны, нетерпимы к детскому шуму и активности, меньше вовлечены в жизнь ребенка, что в переходе к подростковому возрасту чревато серьезными девиациями поведения [20].

Известно, что для латентной фазы развития, на которую приходится младший школьный возраст, характерен перенос либидо на учебу, расширение дружеских отношений со сверстниками, реализация целей, связанных с творчеством и активным освоением социального мира. В то же время депрессивные симптомы матери приводят к отстранению от социальных контактов у ребенка [21]. Ни Ян и Теодор Дикс (*Ni Yan, Theodore Dix*) отслеживали развитие ребенка в 1364 диадах с возраста 24 месяцев до 7 лет. Они показали, что депрессивная симптоматика матери является предиктором ранних проявлений отстранения у ребенка, усиления этого феномена с возрастом, сложности приспособления к школе, нарушений учебной деятельности и социального функционирования. Интересен также выявленный авторами порочный круг: депрессивные симптомы матери повышают отстранение ребенка, которое, в свою очередь, приводит к росту депрессивной симптоматики у матери [21].

Школьная адаптация строится на социальных и психологических компетенциях ребенка, сформированных на протяжении раннего и дошкольного возраста. Однако с возрастанием депрессивной симптоматики у матери дети все больше снижают активную социальную вовлеченность, необходимую для развития этих компетенций. Ребенок реагирует

отстранением на жесткую, контролирующую, внедряющуюся и в тоже время лишённую теплоты и отзывчивости семейную среду, в которой у него нет возможности предвосхищать и контролировать результаты действий, обрести поддержку и удовлетворение его нужд и потребностей, избежать материнского гнева и обрести репарацию. Основными чертами становится низкая самоэффективность, негативные ожидания, выраженная мотивация избегания, аффекты тревоги, враждебности и стыда. Отстранение начинает распространяться не только на отношения с матерью, но и на социальное окружение и новые события, что, в свою очередь, приводит к низким социальным компетенциям, отвержению сверстников, отстранению от учителей и сверстников, снижению уровня активности и вовлеченности в школьную жизнь, к школьной дезадаптации [17]. Как раз эти проблемы побудили семью Антона к обращению к психологу.

Описание случая¹

Антон (9 лет) попал на консультацию по причине отсутствия интереса к учебе и активности на уроках, неспособности за себя постоять, низкой степени самоорганизации. Инициатором обращения явилась Анна, мать Антона. В течение многих лет Анна страдает депрессией, наблюдается у психиатра и получает медикаментозное лечение. Отец Антона последние годы живет отдельно, навещает сына по выходным.

Первый год жизни Антона, несмотря на усиление депрессии Анны и ее выраженное отвержение сына, был скрашен фигурой бабушки, у которой жила ядерная семья и которая заботилась о внуке. В редкие моменты ее отсутствия Анна чувствовала себя потерянной, бессильной и разрушенной в отношениях с Антоном, была неспособна удовлетворить потребности ребенка, контейнировать его растущую тревогу и активное недовольство («Он орал, а я думала, что я не выдержу и не дождусь, когда свекровь приедет»). Интересно, Х. Лоран и Дж. Аблоу (*H. Laurent, J. Ablow*) в своем исследовании по социальной нейронауке показали, что переработка информации об эмоциональном состоянии собственного ребенка у депрессивных матерей значительно отличается от того, как мозг матерей без психиатрического диагноза реагирует на радость или недовольство детей [14]. Искажение восприятия ключевых индикаторов состояния ребенка может повышать чувство некомпетентности, беспо-

¹ Конкретные детали случая изменены с целью соблюдения принципа конфиденциальности.

мощности и тревоги матери, а также пагубно сказываться на поддержании контакта с ребенком.

Как отмечал А. Грин, ребенок депрессивной матери вырабатывает две защиты: дезинвестицию материнского объекта и неосознанную идентификацию с мертвой матерью [5]. Эти защиты определяют ткань отношений: несмотря на вызванную дезинвестицией «черную дыру» в объектных отношениях, ребенок продолжает восстанавливать связь с матерью через зеркальную идентификацию с ней, стремясь не просто сохранить объект, но стать им. Центральное место в психическом ребенка занимает «мертвая мать», идентификация с дырой, оставляемой дезинвестицией. В символическом плане именно «мертвая мать» и отношения с ней становятся ведущим мотивом песочных картин, рисунков и поделок Антона.

Первые образы, возникшие в работе с Антоном, связаны с его рисунками военной техники. Он тщательно вырисовывает огромный танк, бегущего от него немца и следующего за танком русского. Антон подробно рассказывает о габаритах танка, его весе, подсчитывает вес колес, бензина, снарядов и пр. Тщательная прорисовка и рассказ о деталях могут свидетельствовать о рациональной импульсивной защите, попытке совладания с персекуторной тревогой. Однако безнадежность превалирует. «Эта сосискообразная громадина всех переедет и всех сомнет». «Сосискообразная громадина» — фаллический образ слепой силы и всемогущества, фатальности, безнадежности. А бегство — один из основных механизмов совладания Антона — единственно возможная реакция-попытка, пусть даже безнадежная. Этот и остальные рисунки организованы схожим образом: все происходит в нижней половине рисунка. Верхняя половина (Отца) остается пустой. Есть полоска земли (на половине Матери), на ней разворачивается противодействие (русские и немцы, свои и враги). Интересно, что Антон всегда рисует бегство, а не смерть, проговаривает смерть, но не изображает ее, что можно рассматривать как защиту от травматизации.

Первые песочные картины Антона были посвящены вариациям на тему моря и маяка. Маяк — символ света, надежды, верного пути, Эго. На первых встречах маяк был очень неустойчивым и все время развалился. К третьей сессии Антон отработал постройку маяка, используя стену песочницы, контейнер как подпорку. Все силы Эго уходят на преодоление фрагментации, поддержание интеграции и защиту от враждебного мира. На маяке помещается дозорный с фонарем и автоматом. Море занимает большую часть пространства. К маяку приближаются обломки пиратского корабля и пират, который сейчас будет застрелен дозорным. Архетип Героя, прототип Эго, жестко противопоставляется не-Эго, стоит в оппозиции к «Великой Матери, доминирующей фигуре

матриархального мира» [1, с. 93]. Однако «освободительная война» Эго против Великой Матери в силу высокой степени отвержения, невозможности ненависти является подпольной. Антон исподволь жалуется на маму (что она не интересуется им, не разделяет его интересов, заставляет делать то, что он не хочет и пр.). Жесткое расщепление на плохое и хорошее исключает диалог и взаимодействие. Мир опасен, враждебен, а маяк и дозорный на нем — хрупки. Смотритель маяка — дозорный — живет в одиночестве. У дозорного собран целый арсенал оружия. В этой картине как нельзя ярче представлена тема отстранения от социальной действительности. У дозорного нет прямой связи с миром. Перед ним — лишь бескрайняя непредсказуемая водная гладь и опасность, которая может возникнуть в любой момент. Дозорный всегда готов к защите. Только через символический агрессивный акт убийства может быть достигнута безопасность.

В дальнейших песочных картинах наряду с продолжением противостояния между дозорным и опасностью, исходящей из моря, появляется тема призраков. Их корабль прибывает к берегу. «На этом корабле 40 лет назад произошла техническая ошибка. Все умерли, стали призраками. Капитан тогда испугался и прыгнул в воду, и его съела акула. Но некоторые думают, что пираты всех перестреляли, так как на корабле было золото». Описание технической ошибки, бегства и бесславной гибели капитана, катастрофы в море жизни может отражать понимание Антоном событий в своей семье, «техническую поломку», неспособность отца к удержанию курса, его отстранение. Несмотря на то, что в этой песочной картине значительно больше действующих социальных персонажей — туристы, корабли и самолеты представителей разных стран — все заканчивается разрушением: призраки превращают туристов в зомби, спасшихся увозят на большую землю (из песочницы), а все корабли оказываются потоплены. Песочница оказывается полностью разрушенной и пустой.

Работа в песочнице позволяет выразить агрессию, неприемлемую и отвергаемую в реальных ситуациях, и проявляет расщепление на черное и белое, плохое и хорошее. Можно говорить о компенсации в песочных картинах и рисунках однобокой позиции Эго, проявлении истинных потребностей, Тени. Бессознательное подавлено до степени разобщенности, непроницаемости границы с сознанием. Агрессия отрицается Антоном. В свою очередь, она проявляется в форме проекции (на одноклассников, их родителей и др.). Герои первых песочниц и рисунков Антона всегда мобилизованы, всегда готовы к угрозе. Вероятно, можно говорить о жестком внутреннем расщеплении между хорошим и плохим объектами. От плохого нужно держаться подальше, не соприкасаться с ним (не общаться с бешеными одноклассниками). Однако и «хорошее»

ведет непримиримую войну. Как в стихотворении А. Галича, «Этот дом и не дом, это дым без огня, // Это пыльный мираж или фата-моргана, // Здесь Добро в сапогах, рукояткой нагана // В дверь стучало мою, надзирая меня» [4].

В этой и в большинстве других песочниц Антона звучит тема воды (женского элемента). Образ воды вначале представлен морем (это и судоходное пространство, и, как в древнем Тире, воплощение ада, поскольку столько драгоценной воды, а пить нельзя). Море в песочных картинах Антона таит опасность и смерть. Из него появляется пират, сам изрядно потрепанный после странствия, море прибывает корабль-призрак, несущий опасность, в море происходит фатальное сражение, во время которого тонут практически все корабли. И даже жемчужина, рожденная морем, проявление глубинной сути — подделка.

Можно предположить, что символически эти картины отражают отношения между Антоном и мамой: опасность и смерть, которую таит водное пространство, невозможность напиться, утолить физическую и душевную жажду и необходимость постоянного бдения одинокого дозорного на маяке. Кроме того, отчетливо звучит тема противостояния героя и мира, настороженности, враждебности окружения, непредсказуемого, пустынного, в котором нет твердой почвы, который наполнен различными преследующими объектами: призраками, пиратами, вражескими кораблями.

В дальнейшем в песочной работе намечается динамика. Антон начинает использовать воду. С помощью мокрого песка он делает храм в скале, оформляет вход в него. Это гробница фараона. На строительство пещер уходит практически весь песок песочницы. Остальная территория песочницы — голое пространство. Пещера — как символ материнского лона — у Антона является смертельно опасным местом, наполненным ловушками (движущиеся стены и пол) и преследующими объектами (мумиями, мертвыми, защищающими покой пещеры и ее мертвых обитателей). Спасительным и подающим надежды является существование предупредительных надписей, но для того, чтобы их прочитать, нужно знать древний язык, быть приобщенным к тайне символов. Впрочем, даже это не гарантирует спасение. Многие определяется простой удачей, которую невозможно предугадать.

Пещера появилась у Антона и в дальнейшем, когда он сделал заброшенную шахту. Одним из ключевых образов, возникающих на этой встрече, является свет. Это свет специально изобретенного прибора, это упование на свет реального фонаря, который поможет в построении и познании пещеры. «И тьма не объяла Его». Гора — образ Эго Антона. В его психическом есть такая заброшенность, такая тьма, что населяют ее разве что призраки. Это тьма «мертвой матери» в его психическом.

В одной из предыдущих песочниц Антон отмечает, что в пещере хранятся сокровища. Но как же трудно до них добраться. В предыдущей песочнице в помощь давались надписи — Слово, в этой — Свет. Невольно приходят в голову евангельские ассоциации.

Другой образ ранних отношений с матерью, выражен в образе птицы и ее птенцов. На одну из встреч Антон принес вылепленную им в метро птицу и захотел сделать для нее гнездо из песка. Яйца все время разрушались. Они буквально были слеплены из другого «теста», из другого материала, более хрупкого, и легко рассыпались, когда их начинала высидывать большая тяжелая пластилиновая мама-птица. Если в центре песочницы гнездо в конце концов удастся построить, то перенести его на гору — символ Эго — невозможно. Антон не может ничего поделаться с ранним опытом отвержения, переживанием различий с мамой. Гнездо разваливается, яйца разрушаются. Общий вид песочницы — две пустые материнские груди. Как отмечает А. Грин, ребенок депрессивной матери «вьет себе гнездо», пытается стать матерью самому себе [5]. Однако на данный момент попытки Антона тщетны — гнездо рушится, птенцы не выживают, а пустая грудь, которую невозможно наполнить и которая не наполняет сама, негласно доминирует в песочной картине.

Пустое гнездо Антон пытается трансформировать в колодец. Готовность к трансформации является огромным ресурсом Антона. Он экспериментирует и наливает воду: «Вода расплзается, как радиация». Много раз делает бассейн, но вода иссыкает. Образ радиации еще раз подчеркивает тему невидимой опасности у Антона. Вода уходит, как уходят жизненные, активные силы, все усилия удержать пригодную для питья воду оказываются тщетными, уходит в песок. В дальнейшем Антон работает над совершенствованием колодца. Сначала появляется прокладка из пластилина. А на следующей встрече колодец трансформируется в чашку. В итоге Антон создает контейнер, который может удерживать воду, и ставит на очищенном от песка дне песочницы — как то, что отделяет от пространства травмы, пространства пустоты. Форма круга, удерживающего жидкость, в центре песочницы ассоциируется с образом мандалы, «крепости для психического содержания» [1, с. 95]. А мак на чашке — прекрасный цветок — является образом сна, забвения, ухода в иную реальность. Если в начале центральной является тема агрессии, разрушения, смерти, то ближе к концу второго месяца терапии на первый план выходит тема удержания: колодец, чашка. Антон разными путями старается создать надежный контейнер, который бы удерживал и трансформировал бета-элементы.

Таким образом, в первые два месяца терапии центральным мотивом является непредсказуемость мира и его опасность. Мир страшен и непонятен. Как депрессивная мать не может точно воспринимать и

интерпретировать эмоциональные сигналы ребенка, так и ребенок, повзрослев, не в состоянии понимать сигналы, исходящие от собственного психического и из внешнего мира. Как внешний, так и внутренний мир страдает слабой дифференциацией. В прекрасном романе Р. Бредбери «Надвигается беда» один из героев говорит: «Мы любим то, что знаем» [2]. Знание Антона о социальном мире обеднено и пронизано скрытым страхом, агрессией, враждебностью и отвержением. Мир слишком непредсказуем и лишен доверия, чтобы инвестировать туда энергию, чтобы его познавать. Внешний социальный мир отвечает тем же, реагируя на проективную идентификацию. Исследования показывают связь детско-родительских отношений и риска буллинга в школе [3]. Вероятно, буллинг, переживаемый Антоном в школе, в определенной степени становится реакцией сверстников на латентную агрессию и отвержение. Персонажи внешнего мира для Антона — это либо враги, либо призраки, несущие отпечаток не обретшего мир «мертвого объекта». Они отражают «черную дыру» во внутреннем мире и во внешних объектах, с которыми ребенок сталкивается в социальном мире. Терапевтическое упование в данном случае связано с интернализацией в ходе терапии иного типа отношений со значимым объектом, способным поддерживать и возвращать жизнь и энергию [16].

Рисунки и песочные картины Антона пронизаны переживаниями одиночества, брошенности, глубинной тревоги, опасности и непредсказуемости мира, тщетности усилий. И все же архетипический Герой песочных картин Антона готов ступить на тропу исследователя, вооружившись Словом и Светом, уходя от пустого гнезда и дырявого колодца и опираясь на творческую энергию трансформации, преобразующую морскую воду в питьевую и создающую контейнер для своих переживаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батня В.* Миры на песке. Песочная терапия. Рига: Izdevnieciba RaKa, 2010. 291 с.
2. *Бредбери Р.* Надвигается беда: пер. с англ. Москва: Игра-техника, 1992. 208 с.
3. *Воликова С.В., Калинкина Е.А.* Детско-родительские отношения как фактор школьного буллинга // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23. № 4. С. 138—161. doi:10.17759/cpp.2015230409
4. *Галич А.* Я верил в чудо. Песни и стихи. Москва: РДША: Упрполиграфиздат, 1991. 239 с.
5. *Грин А.* Мертвая мать // Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А.В. Россохина. СПб: Питер, 2005. С. 333—361.
6. *Aktar E., Colonesi C., de Vente W., Majdandžić M., Bögels S.M.* How do parents' depression and anxiety, and infants' negative temperament relate to parent—infant

- face-to-face interactions? // *Development and Psychopathology*. 2017. Vol. 29 (3). P. 697—710. doi:10.1017/S0954579416000390 P. 1—14.
7. *Brooten D., Gennaro S., Brown L.P., Butts P., Gibbons A.L., Bakewell-Sachs S., Kumar S.P.* Anxiety, Depression, and Hostility In Mothers of Preterm Infants // *Nursing Research*. 1988. Vol. 37 (4). P. 213—216.
 8. *Cohn J.F., Tronick E.Z.* Three-month-old infants' reaction to simulated maternal depression // *Child Development*. 1983. Vol. 54 (1). P. 185—193.
 9. *Field T.* Maternal depression effects on infants and early interventions // *Preventive Medicine*. 1998. Vol. 27 (2). P. 200—203.
 10. *Gennaro S.* Postpartal anxiety and depression in mothers of term and preterm infants // *Nursing Research*. 1988. Vol. 37 (2). P. 82—85.
 11. *Goodman S.H.* Depression in mothers // *Annual Review of Clinical Psychology*. 2007. Vol. 3 (1). P. 107—135. doi:10.1146/annurev.clinpsy.3.022806.091401
 12. *Goodman S.H., Gotlib I.H.* Risk for psychopathology in the children of depressed mothers: A developmental model for understanding mechanisms of transmission // *Psychological Review*. 1999. Vol. 106. P. 458—490.
 13. *Goodman S.H., Rouse M.H., Connell A.M., Broth M.R., Hall C.M., Heyward D.* Maternal depression and child psychopathology: A meta-analytic review // *Clinical Child and Family Psychology Review*. 2010. Vol. 14 (1). P. 1—27. doi:10.1007/s10567-010-0080-1
 14. *Laurent H.K., Ablow J.C.* A face a mother could love: Depression-related maternal neural responses to infant emotion faces // *Social Neuroscience*. 2013. Vol. 8 (3). P. 228—239. doi:10.1080/17470919.2012.762039
 15. *Lovejoy M.C., Graczyk P.A., O'Hare E., Neuman G.* Maternal depression and parenting behavior: A meta-analytic review // *Clinical Psychology Review*. 2000. Vol. 20. P. 561—592. doi:10.1016/S0272-7358(98)00100-7
 16. *Pecotic B.* The 'black hole' in the inner universe // *Journal of Child Psychotherapy*. 2002. Vol. 28 (1). P. 41—52. doi:10.1080/00754170110116736
 17. *Rubin K.H., Coplan R.J., Bowker J.C.* Social withdrawal in childhood // *Annual Review of Psychology*. 2009. Vol. 60 (1). P. 141—171. doi:10.1146/annurev.psych.60.110707.163642
 18. *Sheeber L., Davis B., Hops H.* Gender-specific vulnerability to depression in children of depressed mothers // *Children of depressed parents: Mechanisms of risk and implications for treatment* / S.H. Goodman, I.H. Gotlib (eds.). Washington, DC: APA Books, 2002. P. 253—274. doi:10.1037/10449-010
 19. *Smith-Nielsen J., Tharner A., Steele H., Cordes K., Mehlhase H., Vaever M.S.* Postpartum depression and infant-mother attachment security at one year: The impact of co-morbid maternal personality disorders // *Infant Behavior and Development*. 2016. Vol. 44. P. 148—158. doi:10.1016/j.infbeh.2016.06.002
 20. *Weissman M.M.* The depressed woman as a mother // *Social psychiatry*. 1972. Vol. 7 (2). P. 98—108.
 21. *Yan N., Dix T.* Mothers' early depressive symptoms and children's first-grade adjustment: A transactional analysis of child withdrawal as a mediator // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2014. Vol. 55 (5). P. 495—504. doi:10.1111/jcpp.12189

MARKED BY MATERNAL DEPRESSION: THE IMAGES OF THE MOTHER IN THE THERAPY OF AN ELEMENTARY SCHOOL CHILD

N.Yu. FEDUNINA*,
Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
natalia_fedunina@mail.ru

The paper deals with the issue of the influence chronic depression in the mother exercises on the psychological functioning of the elementary school child. Despite the fact that parental depression, especially in mothers, is a risk factor for social and psychological disorders in children, most studies focus on postpartum depression. We give an example of social withdrawal and peer rejection in a case of a 9-year-old boy who goes through analytic therapy. The images of his relationship with his mother which emerge during sandplay therapy expose his attitude towards the world as an unpredictable, and deadly dangerous place. The dynamics of sand pictures reveals the importance of maternal object and its vital place in the inner world of a child in comparison with other social objects, and gradual changes for a picture of a more understandable and predictable world to deal with.

Keywords: maternal depression, elementary school, social withdrawal.

REFERENCES

1. Batnya V. Miry na peske. Pesochnaya terapiya [Worlds on sand. Sandplay therapy]. Riga: Izdevnieciba RaKa Publ., 2010. 291 p.
2. Bradbury R. Nadvigaetsya beda: per. s angl [Something wicked this way comes]. Moscow: Igra-tehnika Publ., 1992. 208 p. (In Russ.).
3. Volikova S.V., Kalinkina E.A. Parent-child relationships as a factor of school bullying. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2015. Vol. 23, no. 4, pp. 138–161. doi:10.17759/cpp.2015230409. (In Russ., abstr. in Engl.)
4. Galich A. Ya veril v chudo. Pesni i stikhi [I believed in a miracle. Songs and poems]. Moscow: RDSa Publ.; Uprpoligrafizdat Publ., 1991. 239 p.
5. Grin A. Mertvaya mat' [The dead mother]. In A. Zhibo, A.V. Rossokhin (eds.) *Frantsuzskaya psikhoanaliticheskaya shkola [French psychoanalysis school]*. Saint Petersburg: Piter Publ., 2005, pp. 333–361. (In Russ.)

For citation:

Fedunina N.Yu. Marked by maternal depression: the images of the mother in the therapy of an elementary school child. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2017. Vol. 25, no. 3, pp. 98–108. doi: 10.17759/cpp.2017250306. (In Russ., abstr. in Engl.).

* Fedunina Natalia Yur'evna, PhD (Psychology), Leading Research Fellow of the Center for Urgent Psychological Help, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, email: natalia_fedunina@mail.ru

6. Aktar E., Colonnese C., de Vente W., Majdandžić M., Bögels S.M. How do parents' depression and anxiety, and infants' negative temperament relate to parent—infant face-to-face interactions? *Development and Psychopathology*, 2017. Vol. 29, no. 3, pp. 697—710. doi:10.1017/S0954579416000390
7. Brooten D., Gennaro S., Brown L.P., Butts P., Gibbons A.L., Bakewell-Sachs S., Kumar S.P. Anxiety, depression, and hostility in mothers of preterm infants. *Nursing Research*, 1988. Vol. 37, no. 4, pp. 213—216.
8. Cohn J.F., Tronick E.Z. Three-month-old infants' reaction to simulated maternal depression. *Child Development*, 1983. Vol. 54, no.1, pp. 185—193.
9. Field T. Maternal depression effects on infants and early interventions. *Preventive Medicine*, 1998. Vol. 27, no. 2, pp. 200—203.
10. Gennaro S. Postpartal anxiety and depression in mothers of term and preterm infants. *Nursing Research*, 1988. Vol. 37, no. 2, pp. 82—85.
11. Goodman S.H. Depression in mothers. *Annual Review of Clinical Psychology*, 2007. Vol. 3, no. 1, pp. 107—135. doi:10.1146/annurev.clinpsy.3.022806.091401
12. Goodman S.H., Gotlib I.H. Risk for psychopathology in the children of depressed mothers: A developmental model for understanding mechanisms of transmission. *Psychological Review*, 1999. Vol. 106, pp. 458—490.
13. Goodman S.H., Rouse M.H., Connell A.M., Broth M.R., Hall C.M., Heyward D. Maternal depression and child psychopathology: A meta-analytic review. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 2010. Vol. 14, no. 1, pp. 1—27. doi:10.1007/s10567-010-0080-1
14. Laurent H.K., Ablow J.C. A face a mother could love: Depression-related maternal neural responses to infant emotion faces. *Social Neuroscience*, 2013. Vol. 8, no. 3, pp. 228—239. doi:10.1080/17470919.2012.762039
15. Lovejoy M.C., Graczyk P.A., O'Hare E., Neuman G. Maternal depression and parenting behavior: A meta-analytic review. *Clinical Psychology Review*, 2000. Vol. 20, pp. 561—592. doi:10.1016/S0272-7358(98)00100-7
16. Pecotic B. The 'black hole' in the inner universe. *Journal of Child Psychotherapy*, 2002. Vol. 28, no. 1, pp. 41—52. doi:10.1080/00754170110116736
17. Rubin K.H., Coplan R.J., Bowker J.C. Social withdrawal in childhood. *Annual Review of Psychology*, 2009. Vol. 60, no. 1, pp. 141—171. doi:10.1146/annurev.psych.60.110707.163642
18. Sheeber L., Davis B., Hops H. Gender-specific vulnerability to depression in children of depressed mothers. In S.H. Goodman, I.H. Gotlib (eds.). *Children of depressed parents: Mechanisms of risk and implications for treatment*. Washington, DC: APA Books, 2002, pp. 253—274. doi:10.1037/10449-010
19. Smith-Nielsen J., Tharner A., Steele H., Cordes K., Mehlhase H., Vaever M.S. Postpartum depression and infant-mother attachment security at one year: The impact of co-morbid maternal personality disorders. *Infant Behavior and Development*, 2016. Vol. 44, pp. 148—158. doi:10.1016/j.infbeh.2016.06.002
20. Weissman M.M. The depressed woman as a mother. *Social psychiatry*, 1972. Vol. 7, no. 2, pp. 98—108.
21. Yan N., Dix T. Mothers' early depressive symptoms and children's first-grade adjustment: A transactional analysis of child withdrawal as a mediator. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2014. Vol. 55, no. 5, pp. 495—504. doi:10.1111/jcpp.12189